

Похороны завершились. Поминки начали выдыхаться. Бенджамин решил, что пора уходить.

— Пап? — проговорил он. — Поеду-ка я.

— Хорошо, — отозвался Колин. — Я с тобой.

Они направились к двери и ухитрились сбежать безо всяких прощаний. На деревенской улице было безлюдно, тихо на позднем солнце.

— Нельзя вот так уходить, — сказал Бенджамин, обернувшись и с сомнением глянув на паб.

— Почему? Я поговорил со всеми, с кем хотел. Давай, веди к машине.

Бенджамин позволил отцу взять себя за предплечье. Так отец крепче держался на ногах. С невыразимой медлительностью они зашаркали по улице к стоянке при пабе.

— Не хочу домой, — сказал Колин. — Не могу все это без нее. Вези меня к себе.

— Конечно, — проговорил Бенджамин, хотя сердце у него ёкнуло. Грёза, какую он себе обещал, — одиночество, созерцание, стакан холодного сидра за старым кованым столом, бормотание реки, бурлившей своим вечным путем, — исчезла, вихрем умчала в вечернее небо. Да и пусть. Сегодня у него долг перед отцом. — На ночь останешься?

— Да, останусь, — ответил Колин, но “спасибо” не сказал. Последнее время благодарил он редко.

Машин было много, и к Бенджамину домой они добирались почти полтора часа. Ехали через самую сердцеви́ну Средней Англии, более-менее вдоль реки Северн, мимо городков Бриджнорт, Эвли, Куотт, Мач-Уэнлок и Крессидж, спокойная незапоминающаяся поездка, где знаки препинания — лишь автозаправки, пабы и садоводческие магазины, а коричневые указатели на достопримечательности манят скучающих путников к более удаленным искушениям — к заповедникам дикой природы, домам Национального треста¹ и дендрариям. Въезд в любой населенный пункт отмечался не только табличкой с названием, но и мерцающим напоминанием скорости, с которой Бенджамин ехал, и советом ее сбавить.

— Кошмар какой-то — эти ловушки для лихачей, согласен? — сказал Колин. — Мерзавцам только дай снять с тебя денег, на каждом шагу.

— По-моему, эти штуки все же предотвращают аварии, — сказал Бенджамин.

Отец скептически хмыкнул.

Бенджамин включил приемник, настроенный, как обычно, на “Радио Три”. Повезло: медленная часть фортепианного трио Форэ². Меланхолический, непритязательный силуэт мелодии не только показался уместным аккомпанементом воспоминаниям о матери, какими наполнились сегодня его мысли (и, предположительно, мысли Колина), но и словно бы повторял в звуке мягкие

1 Национальный трест (осн. в 1895) — британская организация по охране исторических памятников, достопримечательностей и живописных мест, финансируется за счет частных пожертвований и небольших государственных ассигнований.

2 Габриель Форэ (1845—1924) — французский композитор, органист, педагог, дирижер.

изгибы дороги и даже приглушенную зелень пейзажа, в котором музыка вела их. То, что она была узнаваемо французской, не имело значения: ощущалась общность, единый дух. Бенджамину в такой музыке было совершенно как дома.

— Уверни этот тарарам, а? — сказал Колин. — Новости, что ли, нельзя послушать?

Бенджамин дождался, пока доиграют последние тридцать или сорок секунд той части, после чего переключился на “Радио Четыре”. Шла программа “После полудня”, и Бенджамин с отцом мгновенно погрузились в привычный мир гладиаторских боев интервьюера и политика. Через неделю всеобщие выборы. Колин будет голосовать за консерваторов, как на всех британских выборах с 1950 года, а Бенджамин, как обычно, не мог определиться — помимо того, что решил не голосовать вообще. Что бы ни услышали они по радио в ближайшие семь дней — разницы никакой. Сегодняшняя главная новость, судя по всему, сводилась к тому, что премьер-министра Гордона Брауна¹, борющегося за переизбрание, поймали на том, что он ляпнул о какой-то потенциальной стороннице как о “скажем так, фанатичке”, и пресса выжимала из этого все возможное.

— Премьер-министр показал свой звериный оскал, — злорадно говорил парламентарий-консерватор. — Любой человек, выражающий закономерное беспокойство, — попросту фанатик, по его мнению. Вот почему у нас в этой стране не может быть серьезной дискуссии об иммиграции.

— Но разве господин Кэмерон, ваш собственный лидер, не в той же мере обеспокоен...

1 Джеймс Гордон Браун (р. 1951) — британский политик шотландского происхождения, лейборист, 74-й премьер-министр Великобритании (2007—2010).

Не извиняясь, Бенджамин выключил радио. Некоторое время они ехали молча.

— Политиков она не выносила на дух, — проговорил Колин, выводя подземную нить неких размышлений на поверхность, и не было нужды пояснять, кто эта “она”. Говорил он негромко, в голосе лишь сожаление и подавленные чувства. — Считала, что все они одинаковая дрянь. Все на руку нечисты до единого. Мухлюют со своими расходами, не показывают барышей, прячут по полудюжине делишек на стороне...

Бенджамин кивал, а сам вспоминал, что как раз Колин, а не его покойная жена места себе не находил из-за продажности политиков. На такую тему, одну из немногих, этот обычно немногословный человек делался общительным; может, пусть бы и сейчас было так — лишь бы не расстраивался от мыслей болезненнее. Но этому Бенджамин противился. Сегодня они прощались с его матерью, и он не желал осквернять это святое таинство очередной отцовской тирадой.

— Мне всегда нравилось в маме, впрочем, — сказал Бенджамин, чтобы увести разговор в сторону, — что она никогда не говорила об этом озлобленно. В смысле, даже если что-то осуждала, она не сердилась, а, что ли... огорчалась.

— Да, нежная она была душа, — согласился Колин. — Одна из лучших. — Большого не произнес, но через несколько секунд достал из кармана брюк на вид грязный носовой платок и вытер им глаза, медленно, тщательно.

— Непривычно тебе будет, — сказал Бенджамин, — одному. Но, знаю, ты справишься. Уверен в этом.

Колин уставился в пустоту.

— Пятьдесят пять лет мы были вместе...

— Понимаю, пап. Тяжко. Но Лоис будет рядом, часто. И я тоже недалеко. Не очень далеко.

Ехали дальше.

Бенджамин жил на перестроенной мельнице у реки Северн, на задворках деревни к северо-востоку от Шрусбери. Подъехать к дому можно было по односторонней дороге, затененной деревьями, живые изгороди густо разрослись по обеим сторонам. Бенджамин перебрался в это до нелепого удаленное и уединенное место в начале года, приобретение дома удалось благодаря продаже трехкомнатной квартиры в Белсайз-Парке, остались средства и на то, чтобы поддерживать скромный образ жизни еще несколько лет. Для холостяка дом слишком велик, но когда Бенджамин его покупал, одинок он не был. В доме имелось четыре спальни, две гостиные, столовая, просторная открытая кухня, оборудованная плитой “Ага”¹, и кабинет, где обширные окна со свинцовыми переплетами смотрели на реку. Пока Бенджамин был здесь чрезвычайно счастлив и тем самым развеивал прежние подозрения друзей и родни, что это его решение — ужасная ошибка.

В доме было полно коварных углов и крутых узких лестниц. Совершенно неподходящее место для его восьмидесятидвухлетнего отца. Тем не менее Бенджамин с некоторым трудом сумел вывести его из машины, вверх по лестнице в гостиную, еще выше — пусть и короче, но с хитрым поворотом вправо — на кухню, через заднюю дверь, а затем вниз по металлической лесенке на террасу. Нашел отцу подушку, налил из банки светлого пива и уже собрался усесться и завести какую-нибудь натужную беседу у воды, как услышал, что к парадной двери подкатил автомобиль.

1 A(ktiebolaget) Ga(sackumulator) — фирменное название чугунной кухонной плиты компании “Гинуэд груп сервисез”; производилась в Швеции с 1922 г., в Британии — с 1929-го, обрела большую популярность у англичан из верхушки среднего класса.

— Кого черт принес?

Колин, ничего не услышав, глянул на сына растерянно.

Бенджамин вскочил и поспешил в гостиную. Открыл окно, выглянул во дворик и увидел перед дверью в дом Лоис и ее дочку Софи — того и гляди постучат.

— Вы что тут делаете? — спросил он.

— Мы тебе уже час названиваем, — сказала сестра. — Ты зачем свой чертов телефон выключил?

— Я его выключил, потому что не хотел, чтобы он зазвонил посреди похорон, — ответил Бенджамин.

— Мы все за тебя изволновались.

— Ну и зря. Я в порядке.

— Чего ты вот так сбежал?

— Захотелось уже убраться.

— Где отец?

— Здесь, со мной.

— Сказал бы нам, что ли.

— Не подумал.

— Попроцался хоть с кем-то?

— Нет.

— Даже с Дугом?

— Нет.

— Он аж из Лондона приехал.

— Напишу ему СМС.

Лоис вздохнула. Брат иногда бесил ее.

— Ну так что, ты наспусти и чаю налей, по крайней мере.

— Ладно.

Он провел их через дом на террасу к Колину, а сам остался на кухне заварить чай и налить Софи белого вина. Вынес напитки на подносе, ступая по лестнице осторожно, и заморгал, когда вечернее солнце ударило в глаза.

— Приятно тут, Бен, — сказала Лоис.

— Небось отлично для твоего писательства, — сказала Софи. — Я бы тут часами сидела, слушала реку и работала.

— Я тебе говорил, — сказал Бенджамин, — можешь приезжать когда вздумается. Доделаешь свою диссертацию — оглянуться не успеешь.

Софи улыбнулась.

— Уже. Закончила на прошлой неделе.

— Ух ты. Поздравляю.

— Она так и не поняла, что ты в этом месте нашел, — проговорил Колин. — И я не понимаю до сих пор. Дыра.

Бенджамин впитал это замечание и не считал его достойным ответа — даже если бы ему удалось такой ответ измыслить.

— Ну что ж, — сказал он и наконец уселся с усталым тихим вздохом удовлетворения. Только собрался отхлебнуть чаю, как услышал, что к дому опять подъехала машина. — Да что ж за черт...

Он вновь глянул в окно гостиной вниз, на двор, и на сей раз увидел там машину Дуга; сам же Дуг доставал ноутбук в чехле с заднего сиденья, выставив зад в открытую дверцу. Затем выпрямился, и Бенджамин обнаружил, что из такого положения открывается вид на то, чего он прежде не замечал, — Дугову плешь. У Дуга на макушке ширилась откровенная лысина. От этого у Бенджамина случился приступ злорадного, сопернического удовлетворения. Тут Дуг увидел его и закричал:

— Почему у тебя мобильник выключен?

Не ответив, Бенджамин спустился открыть входную дверь.

— Привет, — сказал он. — Лоис и Софи только что приехали.

— Ты чего уехал, не попрощавшись?

— Как в завязке “Хоббита”. Нежданные гости¹.

Дуг легонько отпихнул его.

— Ладно, Бильбо, — сказал он. — Ты меня впустить собираешься?

Взбежал по лестнице, бросив Бенджамина изумляться, и двинулся напрямиком в кухню. В этом доме Дуг был всего раз, но, казалось, запомнил, что тут где. Когда Бенджамин его нагнал, Дуг уже достал из чехла ноутбук, устроился за кухонным столом и жал на клавиши.

— Какой у тебя пароль от вай-фая? — спросил он.

— Не знаю. Надо глянуть на роутере.

— Давай тогда побыстрее, а? — Бенджамин удалил-ся в гостиную с этой задачей, Дуг крикнул ему в спину: — Тост удался, кстати.

— Спасибо.

— Ну, не тост, а надгробная речь — или как оно там называется. Много у кого на глаза слезы навернулись, да.

— Ну, в этом и был смысл, наверное.

— Даже Пола, кажется, тронуло.

Бенджамин переписывал пароль, но при упоминании имени брата замер. Через мгновение медленно вернулся в кухню и положил клочок бумаги рядом с ноутбуком Дуга.

— Хватило же ему наглости заявиться сегодня.

— Похороны его матери, Бен. У него есть право присутствовать.

Бенджамин промолчал, взял полотенце и принялся протирать чашки.

— Ты с ним поговорил? — спросил Дуг.

— Я не разговариваю с ним уже шесть лет. С чего сейчас начинать?

1 Название первой главы повести английского писателя Дж. Р. Р. Толкина “Хоббит, или Туда и обратно” (1937), пер. Н. Рахмановой.

— Ну, он все равно уже улетел. Обратного в Токио. Рейс из Хитроу в...

Бенджамин развернулся кругом. Лицо у него порозовело.

— Дуг, мне насрать. Не хочу о нем слышать, ладно?

— Хорошо. Как скажешь. — Пристыженный Дуг вернулся к клавиатуре.

— Кстати, спасибо, что сегодня приехал, — проговорил Бенджамин в попытке примирения. — Я ценю, правда. Отца это очень тронуло.

— Паршивый ты день для этого выбрал, — пробурчал Дуг, не отрывая взгляда от экрана. — Месяц я таскался за Гордоном и его разъездной кампанией. Что произошло в это время? Бля, да всё. Сегодня пошел черт по бочкам, а меня там даже близко нет. Застрял в крематории где-то в Реддиче... — Пальцы цокали, он, казалось, не сознавал резкости собственных слов. — А теперь подавай им тысячу слов к семи вечера, а известно мне лишь то, что я слышал в машине по радио.

Бенджамин бестолково поболтался миг-другой за плечом у Дуга, а затем сказал:

— Ладно, ты тут занимайся.

Ответа не последовало, и Бенджамин направился прочь, но не успел дойти до террасы, как Дуг сказал, не отвлекаясь от своего дела:

— Ничего, если я на ночь останусь?

Оторопев от вопроса, Бенджамин помедлил, а затем кивнул.

— Само собой.

Никто из гостей, сидевших на террасе в тот вечер, и не узнал бы, поскольку Бенджамин ни о чем бы не поделился с ними правдой, но он приобрел этот дом, чтобы

воплотить некую фантазию. Много лет назад, в мае 1979-го, в канун, как и сейчас, судьбоносных всеобщих выборов в Британии, Бенджамин сидел в пабе под названием “Виноградная лоза” на Пэрэдайз-плейс в Бирмингеме и грезил о будущем. Воображал, что Сисили Бойд, девушка, в которую он влюблен, останется его возлюбленной и десятилетия спустя, и когда они поженятся и подберутся к своим шестидесяти, а дети покинут отчий дом, они вдвоем поселятся на перестроенной мельнице в Шропшире, где Бенджамин будет сочинять музыку, а Сисили — писать стихи, вечерами же они станут устраивать великолепные обеды для всех друзей. *Такие ужины будем закатывать, что люди их на всю жизнь запомнят, говорил он себе. Такие вечера переживут люди в нашем доме, что этими воспоминаниями станут дорожить.* Конечно, все сложилось не совсем так. С того дня он не видел Сисили много лет. Но наконец они вновь нашли друг друга и вместе прожили в Лондоне несколько лет, оказавшихся... ну, несчастными, если честно, потому что Сисили очень хворала и жить с ней было мучительно, и тут, в отчаянной попытке осуществить ту грёзу, в болезненном усилии оживить прошлое воплощением бывшего видения будущего, Бенджамин предложил продать их квартиру, на часть вырученных денег купить этот дом, а на оставшиеся отправить Сисили на полгода в Западную Австралию, где, по слухам, жил врач, разработавший дорогое, но чудодейственное средство от рассеянного склероза. И вот через три месяца, когда дом уже был куплен и Бенджамин начал его обустраивать и ремонтировать, Сисили прислала из Австралии электронное письмо с новостями — хорошей и плохой: хорошая состояла в том, что ее состояние и впрямь улучшилось необычайно, а плохая — что она влюбилась в того врача и в Англию не вернется. Бенджамин же, к своему великому изумлению, налил себе здоровенный стакан